

Валерий Архипов

КІ 1460454

МЕЖДУ РАДОСТЬЮ И БРАНЬЮ

18+

The book cover features a colorful, expressive illustration. In the foreground, a person wearing a blue jacket and a red-and-white striped hat is seen from behind, sitting on a pile of hay. To their right, a brown horse is partially visible. The background is a complex, abstract composition of lines and colors, including a rainbow-like arc and various textured elements. The overall style is reminiscent of folk art or expressive painting.

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Валерий Архипов

**Между радостью
и бранью**

Стихотворения

Вологда

2014

Архипов В. Д.

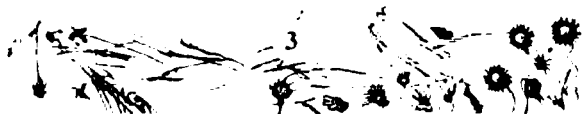
Между радостью и бранью: Стихи. — Вологда, 2014. — 72 с.

© В. Архипов, 2014 г.

ИГРАЯ НА ДУШЕВНЫХ КЛАВИКОРДАХ

Стихи — это, прежде всего, музыка души. Человек, который способен не просто слышать её, но ещё и петь, внемля её звукам — редкость. Я с гордостью могу сказать, что мне повезло. Я встретила такого человека. Смело могу утверждать, что Вам тоже улыбнулось счастье, ведь Вы держите в руках сборник, автором которого является такой человек.

Родился Валерий Дмитриевич Архипов в 1951 году в Чойбалсане (Монголия), живет и работает в Вологде. Закончил Литературный институт в Москве в 1999 году. В течение долгих лет является активным участником литобъединения «Ступени». С 2012 года успешно руководит им. Валерий Архипов считает, что поэзия должна быть сложной. Таковой в его исполнении она и является. На счету автора целый ряд поэтических книг: «Резервация», «Съемка рапидом», «Страсти по Эвтерпе», «Время дуэлей», «Клипы», «Расстрельные списки» и некоторые другие. Пишет стихи, поэмы, драмы, прозу и рецензии. Валерий Дмитриевич неоднократно был участником фестиваля «Рубцовская осень» в Вологде, а также постоянным участником литературных фестивалей «Плюсовая поэзия» и «М-8». Постоянно поддерживает пишущую

молодежь, работал членом жюри в конкурсе памяти М. Сопина.

Как известно, знакомство с автором происходит через написанные книги. Кто-то из вас уже знаком с Валерием Дмитриевичем Архиповым и его творчеством, а кто-то только делает первые шаги к тому, чтобы узнать этого прекрасного человека. Лично я открыла для себя его талант сравнительно недавно, около полугода назад. Меня сразу пленили образы и обилие выразительных средств:

*«Смотрю, как безумные рвутся олени
в твоих яснокрылых зрачках.
От скопища страсти до вязкости лени
всего лишь обыденный страх».*

Впервые я слушала, как автор сам читает свои стихи. На слух я воспринимаю тяжело, будто по ушам стреляют словами, но в этот раз всё было иначе. Рифмы так оригинальны, манера высказываться так затейлива... Трудно было представить, что это написал человек нашего времени. Мысленно сравнивая Валерия Архипова с Александром Блоком, я погрузилась в удивительный мир поэзии. Из-за туманной завесы настоящего передо мной появился силуэт блоковской Незнакомки и прекрасного рыцаря, из уст которого зазвучали обжигающе прекрасные стихи Архипова. Ведь он тоже воспекает Незнакомку, как

воспевал ее Блок. Так я впервые познакомилась с Валерием Дмитриевичем и его творчеством.

Под это звучание душевных клавиатур можно петь свои песни жизни, можно слушать чужие. Только вдумайтесь в эти строки, словно шум моря, проникающие в самое сердце:

*«И был почтальон, он пришёл
из дождя безутешен,
как пёс беспородный, и голоден он и продрог.
Вот Ваше письмо, — оно пахнет желаньем
да верой,
и запах так тонок и так устремляется
ввысь...
А, может быть, пахнет мятущейся
в небе Венерой,
а, может быть, запахом просто похожим
на жизнь».*

Стихи его стоят того, чтобы их не просто читали, но думали над ними, прочувствовали их. Не только то, что хотел сказать автор (как любят спрашивать в школе), но и над жизнью. Что главное для автора? Писателю важно, чтобы его понимали. Каждый автор сталкивается с этой проблемой. В.Д. Архипов не исключение. Кому-то стихи кажутся слишком серьезными, лишёнными иронии, кто-то не может уловить в них смысл. Но это всегда гамма чувств, перелитых

в слова. Однако у каждого автора есть свой читатель. У Валерия Дмитриевича таковых огромное количество — это категория умных, понимающих, а главное думающих людей. Стихи В.Д. Архипова — это и смысл, и неповторимый слог, и вечные проблемы, которые близки каждому из нас. В творчестве автора нет того, чего бы он сам не испытал. Это и любовь, и грусть, и счастье, и сочетание вечного: Жизни и Смерти.

Говорят, что мудрость приходит с годами. С творческими же задатками человек рождается. Однако очень трудно выносить в себе талант и воспитать, превратив семечко в прекрасную розу. На протяжении всей жизни Валерий Дмитриевич Архипов лелеял своё семечко, долгим и упорным трудом растил из него то, что сейчас Вы держите в руках. Ведь кроме новейших стихов в книгу включены тексты, рожденные давно, но по разным причинам не опубликованные. Каждый читатель решит для себя сам: прекрасная ли это роза или колючий куст шиповника. Стоит только добавить, что автор — это тот же человек на исповеди. Он выкладывает читателю все свои деяния посредством стихотворений или прозы. Священник не судит того, кто грешен и кается в этом. Он лишь старается понять этого человека. Постараемся понять и мы.

Юлия Паклянова

Стихотворения

* * *

Почему умирают дожди?
Потому что они радиацией рвотной
полны

Потому что они из романа
где действуют
дети и мы...

Голубые пелёнки
что пахнут рассветным коктейлем
мы с тобою —

два пьяницы
полупоэтных капелей
мы с тобой два вопроса
зачем умирают дожди:
великаны
обманщики
маги

а ты подожди
не спеши уходить
от безумной тропы
где война
чародеев и белых индейцев,
которых погонит волна
подражаний и визгов
желаний сразиться в любовь
истекая стихами
сплетая и тиская вновь.

Вновь вопрос горемык:
почему умирают дожди?
эпиграммы желтеют
стареют актрисы

И мы

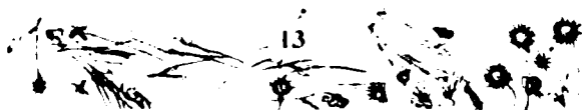
Не смеемся над клоуном
пусть бы он был вурдалак
ведь у нас есть убежище —
старый уютный чердак
где и мебель в развал,
школьной парты последний релиз
мы с тобой Нострадамусы
медленно спустимся вниз
вниз по лестнице
к счастью
оно не твоё
не моё
замурлыкает кошка
и курочка клюнет зерно.

* * *

И вот пришёл он
Мой студеносолец
Мой високосный
        городской февраль
Ты юная
        мелькнула среди сосен
лишь на мгновенье
И ушла
        а жаль
И я иду-бреду
        куда попало:
вот попадья
        закутанная в шаль,
вот юный паж
        с Еврейского квартала
на скрипочке играет
                                пастораль
Глаза закрою:
        как же эти звуки
        сжимают грудь
        и на висках роса
        всего лишь час
        как мы с тобой
        в разлуке.

а кажется, что целая весна
прошла
за тем изысканным
мгновеньем
и ты уже в другого влюблена
грачам бездомным брошено печенье
мне ж горстка света ---
в чём нуждался я.

* * *

Я первый чародей
пришедший из тумана
в твои печали

    в сны
и в твой горячий бред
вот вышита любовь
из белого обмана
из спелого овса
из льна

    в чём я одет
Я вышел из дождя
(была к тому же осень)
Я вышел из зари
из ясеня и сосен
и ты мне обо всём
сегодня говори ...

    Я в твой горячий бред
    Войду как воробьи,
входящие в овёс
ворвавшиеся в осень
— то птицы все с небес
и странники они
и мы с тобою в лад
их всех о чём-то спросим
Я вышел сквозь туман
Я — странник
Я — провидец

Я — проводник людей
Я — века очевидец
Я — труженик любви
Я — золотник что мал
Забрасываю сеть
Я у пиратских скал
чтоб слышать

всякий раз
мне песню флибустьера
но мы одни с тобой
и дрогнула портьера
и занавес упал
экран — «Багдадский вор»...
Веретено любви

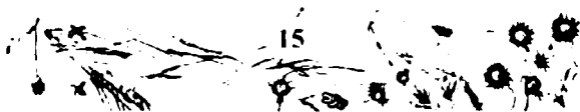
в искусстве сплетено
я был искусен; град
моих лобзаний
кратких

впитал в себя мой дом
доставшийся от бабки
волшебен изнутри
а с кровли полон тайны
молчали мы

любовь
нас гладила по нервам
и колдовали нам

счастливейшие дни
портьера поднялась

но мы опять одни

на белой простыне ребёночка
спроворим
искусники земли
и
труженики моря
чужие корабли
с волнами грозно споря
поют, поют они
про китайчонка Ли
про то, как мы с тобой
сегодня заговели
как по стене моей
ползли привычно тени
то вырос вдруг костёл
то вспрянул чей-то дух
и вздохов жуткий след
промозгло полз к постели
и страшно нам с тобой —
миллениум нам лет
Освободив себя
от липкой сладкой муки
объятий и мольбы
сквозь ноги
бёдра
руки
ты, простонав сквозь ночь
молила о любви

* * *

Послушай Виденье
ты в брызгах морских
а душу твою разрывает
торнадо!

Давно уже смыта
губная помада
и солнечный ветер
слегка поутих
Блестит твоё тело.
Оно для любви —
для всяких лямуров,
оценочных видов
и током волшебным
сбегают флюиды
и где-то под кожей
поют соловьи.

АПРЕЛЬСКАЯ НОЧЬ

Чтобы ступою звёзды стремглав не толочь
Осторожно, едва нагибаясь над бездной,
Может быть некрасиво,

а может нетрезво,

Но выходит художник в апрельскую ночь:
Неизысканно, бледно, касаясь плечами
Мировых катаклизмов,

что рвутся над нами

Он, как мальчик небесный,

нам хочет помочь.

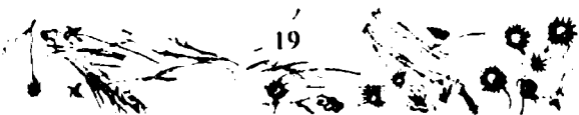
И выходит, как призрак,

в апрельскую ночь.

Восхищённо мы смотрим на небо

густое

Облаков набегающих стынет гряда,
Ну а люди, конечно же, сходят с ума,
Поменявши зелёное на голубое.

Я ВИДЕЛ СЧАСТЛИВЫХ

Как малые дети
бежим этим утром весёлым
Мелькают дворы, перелески и сёла,
Мелькают костры полудиких цыган.
За это мельканье
я капельку жизни отдам.
А капельку птичке,
похожей лицом на тебя,
Хоть ты ещё рядом,
ещё не ушла никуда,
ещё не мелькнула
не вырвалась из бытия.
Я видел до смеха счастливых цыган
Я видел счастливых
бомжей и кудрявых мадам,
у коих страна отобрала мужей
на распыл ...
Я был неугоден
кому-то, а девочке мил:
не дрался, не пил, не ругался,
сморкаясь в подол
Мой поезд,
мой бронзовый поезд куда-то ушёл.
Ушёл самолёт,
по-гастелловски сделав зигзаг.

Ушёл пароход под названием «Русь»
В Ленинград.
А мы всё бежим
то по снегу, а то по росе,
и что-то хотим доказать
не кому-то — себе!
Я видел счастливых цыган
в этот знойный кошмар
плюс тридцать,
и я умираю как пьяный клошар,
На площади имени снов
пресловутых моих,
Где вырваться хочет
из папки сиреневой стих.

* * *

От тоски
безжалостной и мерзкой
от того,

что не горит фонарь
из-за тучи

умудренно-дерзкой
вызвездится первый мой
словарь.

Начинаю:

«Мама мыла раму»
я её обнял в который раз
и у этой мамы
вышла драма
муж вернулся — старый ловелас.
Мне отвесил

пендалей по полной
а её за шарфик ухватив
бросил в разгулявшиеся волны
в золотую рыбку превратив.

* * *

Я, может быть,
уже сошёл с ума
часовня, двор
смотрите-ка
берёза.

Иду босой,

бушлатик да сума,

а на глаза навёртывают слёзы.

Ну, неужели это я распят

во сне тобой,

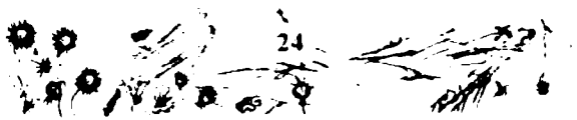
и сердце леденеет.

Последний гвоздик

трубачи трубят.

Детишки плачут,

травы зеленеют...

* * *

Улица грехов моих земных
с чинною заплаткою на шее
улица повешенных моих
будто бы сошедших с акварели.
Да, они воссозданы тобой
или мной

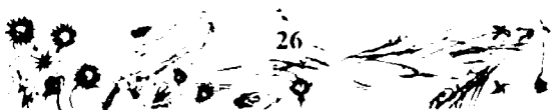
какая в этом проза
и перед страдающей судьбой
вырастет

помоечная роза
будет пить желанная воды
и стонать
по — человечьи даже
только бы не видеть эти сны
только бы не стать любимой гаже
а остановиться

замереть
запросить прощенья
или просто
посмотреть на карту
и взлететь
на давно тобой обжитый остров.

* * *

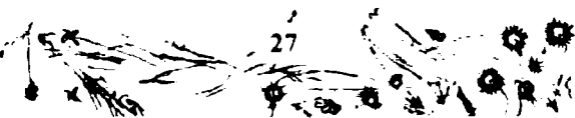
Гуляли мы
        по берегу с тобой
рассвет бомжует
серебрится месяц
и я в мечтах
иду на вечный бой
от ветра не улыбчивого весел.
но, кажется, что вырвалась душа
и катится под гору колесницей
за нею две уродливые птицы
карабкаются
        крыльями шурша
а ты смеёшься в неге
        будто в снеге
в своём пальтишке
        словно в обереге
на бережочке дивно хороша
и безразлично где там воспрियाть
        любви
досадно, что не вижу платья
что подарил тебе Луи Второй
когда у короля был выходной
и кончились монаршие объятья
и как объедки с барского стола

взлетели удивлённые глаза
девчоночьи

как звонкие капли
и мы на воле

будто два зверька
два персика дворцовых
жадно ели.

* * *

Как странно одиночество вдвоём
совокуплялись наши ожидания
и наш домашний одинокий гном
свидетель безрассудочных свиданий
уснув на продырявленном диване
нам сон

из яви дивно приоткрыл
где я под зонтиком
и ты обнажена
в три пуговицы
твоё раскрыто тело
и ворон закричит. Жена, жена
любовь
оргазм
затем труба пропела
над площадью
и мы обручены
обречены
не спится нам

не спится
и бьёшься ты под облучок луны
как, ошалев от боли, кобылица
вот ты под зонтиком
а я и сед и наг
то ввысь бегу

* * *

Мне нравится смех твой
короткий и острый
лебяжья осанка
глаза — угольки
а груди как бусы
у вещи цыганки
трясутся и жгут
окаянно они
мне нравится голос твой
неунываем
горяч он и чувственен
как колдовство
мечусь между холодом
и послебаньем
И так расслабляет
с тобою родство
по духу, по чувству
по ближнему бою
по жажде любви
хоть и нету её
тебе непременно я плечи закрою
стихами
в которых желанье моё
так рвётся наружу
что твой полумесяц

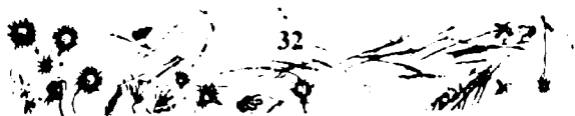
пьянчугою пялится
в розовый сад
туман неожиданно
в окна повесясь
как дикий тебя заманит виноград.
Откушаешь — точно возникнет желанье
И губы в крови и дыханье в разлёт
Но тотчас нахлынет как сон покаянье
а сверху как ангел
пройдёт самолёт.

* * *

Яснее ясного
твои глаза горят,
темнее тёмного
твои немеют губы
друг другу мы бросаем
волчий взгляд
ведь мы с тобою оба:
однолюбы.

Любимый цвет,
а впрочем, холода
белым-бело
и валенки на печке
и скрипнут половицы
в никуда
как тонкий лёд
на нашей дивной речке.

* * *

У нас с ней маленький роман
Из роз и эвкалипта
И лавр — как гению обман
Как кружка эля Флинту
Затаскан похвалы кусок
Как грязные обои
А в сердце дребезжит движок:
вы — бедные
вы — двое.
Две ноты: Ми — ля
Ми, ля, ля
ещё раз эдак двести
Оттуда —

где не говорят
не плачут
не смеются

и пусть у нас сердца болят
и пусть не разобьются.

Вот друг

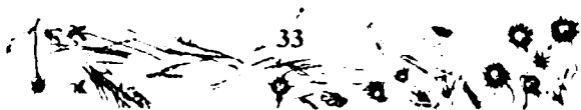
Его коснись рукой

Груди коснись горячей

А там труха

и, боже мой

беззвучный трепет плача.

* * *

Как обаять мне гордую тебя
чем старше я, тем всё мне будто слаще
вот напою

из блюдца воробья
и всё равно

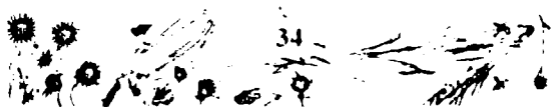
так хочется тебя
вдохнуть в себя,
влюблённый да обрящет
вина испив,

как будто это кровь
твоя

лизнул
смотри уже не больно
из кожи выходящая любовь
как бабочка цветастая довольна.

Довольствие и боль

сквозь тыщи ласк
довольствие — слеза на стол катится
я в пропасти
я весь в тебе увяз
а может это всё же
просто снится.

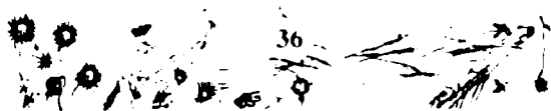
Ах — сон ли
явь
дорога ли,
клубок:
змеинный, бледный
синева под кожей
чуть-чуть рассвет
и я у ваших ног
с похмельною и виноватой рожей.

УСТАВШИЕ

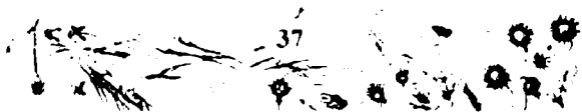
Как мало надо нам, соединяясь,
Почувствовать блаженство неземное,
Возвышенное, красное такое,
Разбуженное, брошенное в грязь.
И вознесясь из липкой прозы жизни,
восходим на востоке. Миражи.
И ты одна, любимая, жужжи
над блюдечком дождевой
пёстрой брызги.

Капелечкой. Капелла пусть ревёт
Нездешняя, старухами наполняясь,
А где ненапечатанная повесть,
Написанная в позапрошлый год.
Когда лимонным бредом пах твой рот,
И рыбой --- невидимкою по средам,
и мы заотдыхавшие под пледом
красивейшие, как в горах восход
уставшие, как в нелюбви победа.

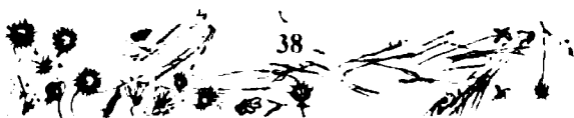

* * *

Посижу в кофейне с художником
Поцарапаем наши души
Обыватель скажет немедленно
Бьют баклуши!
Ну а нам есть что выдать брренное
То ли женщин воспеть
То ль воина
То ли парус поднять намеренно
и уплыть на четыре стороны
И под ветром
какая разница
альбатрос
или пенье дикое
пусть пугает
пусть просто скалится
та, зовущаяся Эвридикою
И в пролёт
подгнивающей лестницы
упадёт мой художник
раненый
то ль тоской
то ли бабой с музыкой
в кулаке лишь цветочек
аленький
то ли просто с больной фантазией

то ли с дури
типично русской
обыватель промолвит
Азия
заиграет гармошка грустное...

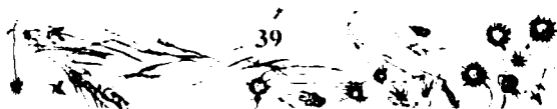

ЗАПРЕЩЁННЫЕ ИГРЫ

Закрою глаза.
Как прежде
детишки играют в войну
и взрывают петарды
ракеты
и мусор сжигают.
Журналы с портретами Сталина
очень красиво горят.
Вот

в плен повязали
хорошую девочку Надю
пытать её надо,
а то уничтожит Коломну
могилы осквернит
и в ухо даст толстому Жоре
Не бойтесь,

Спасли эту девочку Надю
как надо
ведь папа — десантник
и чистое — небо над нами
война не закончилась,
значит, могилы копайте
вот куколка Зина
давно уже бредит застоем
куда вы кретины?
она ведь живая,
позвольте

хоть платице рыжее
снять с неё перед пацаньём.
Прощание,
я просто так
с детством прощаюсь
поверьте
мне так умирать неохота
а дети уходят без звука
Постойте
не буду в войнушку
играть
лучше в карты
мы эту «Пиковую даму»
уже проиграли
на шее камелии
так и трещат...
с поволокой
был взор этой дамы
проиграна
мимо
успела сбежать на курьерском
куда-то на Север
с мужчиной
ну что ещё сделать
пойдём помогать престарелым
Тимуровцы — мы
помогаем
всем тем кто бездомен

по хате
по беленькой хатке
на море
а Чёрное море
ты — наше
гуляю я там по старинке
Закроется занавес
детскости

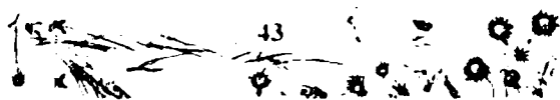
дерзости
праздника надо б душе
Душегубы
хватают в конце
непослушных детей
и баранки им в руки дают
Спозаранку
горнисты играют, поют
всё те же горластые песни
про Родину, славу
и вместе
костры пионерские жгут
И больно Христовой невесте
которую с пьянки ведут.

Что будет после нас —
большой потоп и скверна
а может быть земля
останется нетленна:
И будем мы — грибы
иль камни на дороге
на рубеже судьбы
задумавшись о Боге:
и будет нам грозить
неумолимый Сталин
и по лесу водить
пойдёт Иван Сусанин.
И холодно весной,
И жарко в зимней стуже
Скажи мне через боль:
«Такой тебе я нужен?»
Такой — сякой
с лица упавший, неприглядный
И ты подумав враз
прошепчешь мне: «Ну ладно».
Ну ладно, так лады
Ну, ладушки в апреле
И никакой беды
не станет в самом деле...
Что будет после нас —
последняя дорога,

последний бранный час
у отчего порога
Оскал у темноты
и всхлипы тѣти Маши
и в обмороке мы
и стихотворцы в марше.
Сандалями звеня
как кандалами
скерцо
на ниточке любви
цепочкою на сердце.
Печалься,
но печаль растает аки дымка
Россия, Бог, февраль. —
знакомая картинка, —
вот матушка в окне
и я морожу пальчик,
вот Пушкин на коне,-
и всё это во сне:
стихи в листах на дне
укромно в чемоданчик.

* * *

Звёздочки, звёздочки,
вдруг фонари
жутко так
выпятив лик на дорогу
в миг распустили осколки свои
словно любовные иглы, ей богу.
Вот я эклоги намедни пишу
и без страданий
без слов
без забавы
голосом свечку свою затушу
весь в ожидании
осенней облавы.
Пусть она будет совсем у меня
трепетным телом
всё горше, всё выше
среди нескончаемо скорбного дня
в танце любовном
закружатся мыши.
Сам я той ночью
мышиный король
до смерти мне
эта главная роль.

* * *

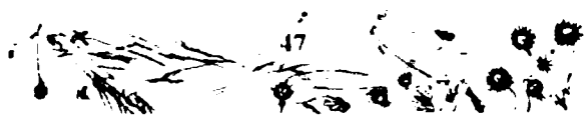
У корейнки крохотная грудь
Она сама как ваза ледяная.
а поцелую и зажжётся...
жуть!
И будет ведь любить —
я это знаю
Потом всплакнёт,
предвидя мой отъезд,
ручонок взмах
и синева под кожей
и прячу я
свой православный крест
и почему-то
всхлипываю тоже.

вот он череп отца
и трещат полумёртвые кости
вот старик со старухой
мазурка и чья-то рука
их подхватит
и в пыль вдруг рассыпятся
бледные кони...

ДОРОГА

За царёвым подарком
Поехали два мальчугана.
Лют мороз. Лошадёнка.
Впрягли её, вывели рано,
но легка одежонка
и жалко себя им до слёз.
Спит Россия моя,
Но не спит оголтелый мороз.
Полдороги проехав,
слегка заблудились, поди.
Повернули туда, где шептались
косматые ели,
А рассвет чародейно и вкрадчиво
плыл впереди.
И каких-то три мили
осталось ребятам до цели.
Мать ещё не стара,
а сестрёнки — невесты почти —
Ждут, надеясь на то,
что лукавый тот путь без обмана,
Что спасёт одного перешитое наспех пальто,
а другого спасёт
телогреечки битой нирвана.
Ничего что мороз,
Лишь бы волки не встряли им вслед,
Гут скачи, не скачи.
Хорошо бы ружьишко, пожалуй.

Воют беглые псы...
Что сегодня у них на обед?
Ты не выдай, лошадка,
Не рвись, как молодая, не балуй!
Косогор, буерак
и дорога змеится дугой
Лют мороз, серый дым
Вроде хаты белеют за лесом,
и вокруг тишина
Не поёт колокольчик тугой,
и пурга впереди.
Через час не видать ни бельмеса.
За царёвым подарком
поехали братья с утра,
Несмотря ни на что,
хоть свиреп был морозец трескучий,
Потеряв лошадёнку,
Побитые богом слегка,
Но домой возвратились,
Как важный и суетный случай.
Русь хранила обоих,
вселенская русская грусть,
Незабвенная песня,
что стужу, как память, хранила,
И судьба их спасала,
И к тому наставляли на путь
Деревенская удаль
да их православная сила.

НАСТУПАЕТ ДЕНЬ ПРОСТИТУТОК

Наступает день проституток —
И промозглый, и волглый день.
И в среду разноцветных курток
Выходить мне сегодня лень.

Я пойду на чердак любимый,
Разожгу костерок лихой
Из двенадцати буратинок
И накроюсь бурой дохой.

И усну до поры до важной.
Вдруг откроется невзначай
Дверца оборотнем отважным,
И Мальвина придёт на чай.

Будет чай из консервных банок.
Души наши уходят в мысль
Средь развешанных вдоль портянок,
Так похожих на эту жизнь.

За окном умирает белка,
Держиморда свистит в свисток.
И стрекочет сверчок: «Валерка,
Эх, Валерка, горит восток...»

Не горит уже, а пылает
То ли Вологда, то ли Тверь.
Но пылает, — не умирает.
Что же чувствуем мы теперь?

Жаль нас, памятливых и глупых,
Жаль, держащихся на краю,
И доступных и недоступных,
И таких, каких не люблю.

И в тумане, в котором сырость,
Посылая вас всех на «Тэ»,
Чую, — снова мне не влюбилось.
Пью сегодня Алиготе.

СТАРОМОДНА МОЯ СТОРОНА

старомоден мой плащ невеликий
старомодна моя сторона
только чудятся белые клики
крики белые то ли война
то ли камушки бьются о воду
то ли ельник стучит в непогоду
то ли лодка вернулась одна
старомодна моя сторона

пожелавшая будто вина
кратковременно выпить свободу
вот и выпита вот и она
драгоценная капелька эта
белокурая полураздета
полу-женщина полу-река
у которой названия нету

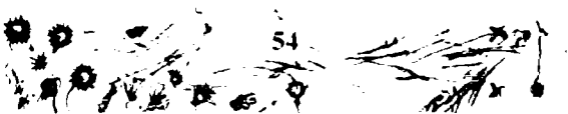
ЛОШАДИ ХОТЯТ ОСТАТЬСЯ

Я видел лошадей,
которым двести лет.
Они уже совсем
не требуют дороги.
Они овёс жуют,
а дышат на рассвет,
зелёным глазом ждут
подвоха на пороге.
Подвижный конвоир
придёт издалека, —
то в ране пулевой,
то в колотой и дикой.
И в лошадиный храп
вонзится та рука
под ногтем с ободком
да духом земляники.

Скачи же, мой табун!
Скажи, ты мой табун...
Я брошу все табу,
немыслимые вехи.
Пусть скачут чередой
хоть в город, хоть в аул,
где выпускает птиц
тщеславец из прорехи.

НЕ ОТКРЫВАЙТЕ ДВЕРИ НИКОМУ

Не открывайте двери никому.
Гроза застала — не жалей бегущих.
Ты знаешь, я, наверное, умру
среди стихов безжалостных и жгущих.
И вот уже охотится злодей. Он в том углу,
за ширмой, иль за печкой.
Он террорист, убивший сто царей,
крадётся змием к твоему сердечку.
Ты почему его не прогнала? Смотри — нога!
Копыто или клещи?
И сон мне был, и сон, наверно, вещий...
И разве ты ещё не умерла?
Вон твой портрет — весь из кровавых трещин.
А я любил, любил одну тебя
и ненавидел всяких прочих женщин.
Ну, пожалей, ну, похвали меня,
пади к ногам, — надеюсь я на чудо.
А ты меня ни капли не любя, сказала:
«Брось, ведь у тебя простуда».
Но как ещё не лопнул шар земной?
Собаки злы?! Так бросьте же им кости.
Я ночь тоскую с женщиной одной
и вы ко мне не приходите в гости...

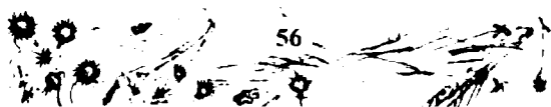

МЕЧТАЛА ТЫ В ВЕНЕЦИИ ЧУЖОЙ

Мечтала ты в Венеции чужой
блистать и падать.
И в гондольем беге,
так предаваться солнцеликой неге
чтоб кожу жёг стрельчонок золотой.
Ты будто бы красивее зари,
без пошлости,
Без томных вздыханий.
К тебе спешу
Не зная, что признание
моё к тебе уже летит вперёд.
Уже летит вперёд тот скверный анекдот,
что сочиняют глупые поэты
про то, что у поэтов есть приметы
вставать с зарёй,
идти куда-то,
бред...
Но всё-таки заря горит. Обед
пока не нужен. —
новый суп из кружев.
Я был тебе, пришедшим с юга мужем,
как мудрый Дождь,
Венецией одет.

АВТОБУС

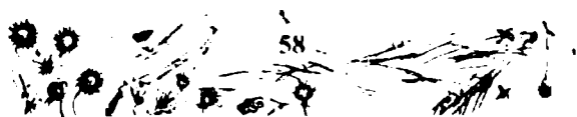
— Гражданин, не трясите мудями,
Предъявите мне свой проездной.
— Не кричите, мамаша, с друзьями
Я хочу провести выходной.
Где ты, иссиня-черная «Волга»,
Что разбилась на пятой версте?
А друзья мои к Господу Богу
Поднялись, но, конечно, не все.
Кто в дерьме извалялся случайно,
Тот в начальниках, этот в зека.
Им не благодать, а страшная тайна
Подсуропила спать на века.
— Задержись на минутку, попутчик,
Как мне краля знакома твоя.
Вспомнил — старя добрая сучка —
Настрочила в ментуру не зря.
И горбатился я, и метался, —
Справа стукнут, а слева утрут.
Я с голодной бадьей целовался,
Прославляя свой каторжный труд.
Ах, зачем ты на пику не села,
Забубенная краля теней?
Видишь, падла, в автобусе еду,
И немного похож на людей.
Ну чего кривишь рожу, солдатик?
Нахлебался, поди, горбыля.

Нам бы сейчас по бабенке в кровати,
Что икаешь, что мерзнешь, сопля?!
На кого-то ты очень похожий.
То не батько твой был — прокурор?
Ах, зачем я оставил свой ножик
У Галинки под пятым ребром?
Что, красивая куколка, жмешься?
Полюби и меня натошак.
Нет, друзья, с вами вовсе сопьешься
Или канешь опять в лагерях.
Ты, бабуленька, носа не вешай,
Я жалею твою простоту.
Ты обличьем святым и безгрешным
Так похожа на маму мою.
Что, кондуктор? Нет, я не рыдаю.
Просто соль мне попала в глаза.
Я бешусь, я кричу, я страдаю,
В небо белому богу грозя!
Так за что вы мне крутите руки?
Полминуты, и мне выходить.
Я умру от печали и скуки,
Ну зачем меня в харю-то бить?
Ну чего ты, дотошный, смеешься?
Иноверец, а видишь ли, то ж...
Ты пляши, ты пока что корежешься...
Эх, в печенку тебе финский нож!
Ну, не пачкайте — я после бани.
Ну, зачем же гурьбой на хребет?

Я прошу, не пинайте ногами.
Гражданин, ведь у вас партбилет.
Дверь открыли! Неужто отпустят?
Я лечу на асфальт словно в рай.
Только в небе парящие гуси
Закричали мне громко: «Вставай!».

ЛЕТО

Тело твоё — кусок пирога
с черникой и прочей снедью.
Ты так красива, как баба Яга,
беременная воскресеньем.
Ошмётки, струпья, сгони ладонь,
насыть поцелуем душу
и под Москвою заряди гармонь
на всю остальную сушу!
Глаза золотистым платком протри,
изукрась алым цветом губы
и без тленного пепла гори! Гори!
... Что ж так волосы стали грубы?
Гребешок, да новозеландский шампунь
сотворят из тебя невесту квартала.
Вот жених твой явился седой, как лунь, —
он вернулся из-за Урала.
Он рассказал, что воевал у Чапая,
Даже видел его смертный час. А ты,
поздравляя его с 9 мая,
комиссарской вдовой рыдала в цветы.
... На окошке любовью занялись голуби.
И по телевизору говорили «про это».
Ты затыкала уши, хотела к проруби,
но по радио вдруг объявили: «Лето!»

Я БОЯЛСЯ КОСНУТЬСЯ ТВОИХ ОВАЦИЙ

Я боялся коснуться твоих оваций,
я боялся дрожи по белу телу,
а ещё я боялся один остаться
на краю. над пропастью, без предела,
а ещё я, ну это уже не важно,
а ещё, ну, подумаешь, затравили,
а ведь всё-таки было же и прекрасно:
голубки над озером голубили!
Я боялся вонзиться рукой прохладной
в древнерусский твой запах,
в твой лес колосьев,
пусть ты шепчешь, красивая:
Ладно, ладно
ну а мне всё слышится:
Осень, осень.

ГОЛУБИЗНА ФОНТАНОВ ЕЖЕВИЧНЫХ

Голубизна фонтанов ежевичных
не охлаждает похоти людской.
Мир предстаёт безличным и двуличным.
а сам как перст — и белый и нагой.
И восемь раз звенящие капли,
что спать мешали в осень торопясь,
как раны не зажитые, скрипели,
самой Судьбою втоптаные в грязь.
И часом неосознанным и личным,
впиваясь в мрак лелея чью-то боль,
не охлаждает похоти людской
голубизна фонтанов ежевичных.

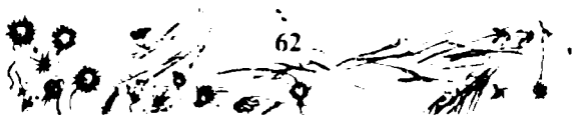
СТЫНЕТ ПУНШ ОДИНОКО В СПАЛЬНЕ

Стынет пунш одиноко в спальне,
крутит солнышко патефон.
Двести лет как стоит печально
дом на озере Балатон.

Выдаёт он, скрипя и плача,
ноты сонные, как стихи.
Этот дом — старикова дача
от обеда и до тоски.

Только ты — украшеньё в белом —
новоявленна и близка...
Костерком потянет сомлелым
длиннорвущая река.

Удушьющий голос Вяльцевой,
платье в сборочку от кутюр.
Иногда ты ломаешь пальцы,
Сочиня ночной ноктюрн...

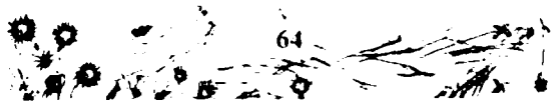

НЕКРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА В ГОСТЯХ У ПОЛКОВНИКА

Некрасивая женщина в гостях у полковника.
Он руку ей жмёт,
целует её в щёчку, или в усы,
а сам подтягивает часы.
Они на руке ему велики.
Некрасивая женщина думает:
настоящий полковник,
немножко мужлан,
немножко скромник,
эполеты его горят,
а глаза блекнут,
Видимо, воевал в Германьи,
там где пекло.
Полковник думает:
фифочка,
серая мышь,
замарашка,
ничего, сойдёт на безрыбье,
да под рюмашку.
Соседи косятся,
дворник-татарин
лепит бабу.
«идут белые снега» —
поэт марает бумагу.
И вот запела женщина ариозо.

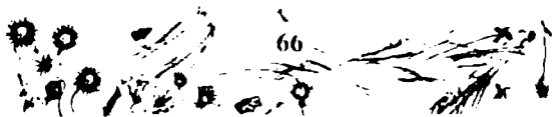
Денщик полковника,
протрезвевший, встал в позу,
смахнул слезу,
виновато прочистил дуло
у револьвера.
Пусть бы его на время замкнуло.
Не убийца ведь он,
не злодей ведь, право.
Может, будет скоро дуэль,
а может расправа.
Если б полковник стрелялся с поэтом,
тот выстрелил бы в воздух,
или в газету.
А журналюга речист,
зол, конфиденциален,
никаких извинений.
Не понимает.
Пьёт пиво очаковское и бормотуху.
Вот такие жлобы,
наверное, и замочили старуху
достоевскую, —
странную,
вредную,
злую бабу.
А ведь когда-то
девушкой была иванотургеневской, —
красивой, нежной.
Жизнь казалась
манящей, цветной, безбрежной.

А теперь вот
дуэли,
бабушки,
наши надежды
и муки.
... всё смешалось в доме Облонских...
дети,
внуки...
Все устали смеяться,
плакать,
давать займы,
взятки,
Богу молиться,
медитировать
... скоро святки...
Мы, обречённые,
уходим в поле
нечистых мыслей.
Дом с мезонином
«Люблю тебя, милая,
Добрая чистая,
только свистни!»

Когда упал с небес метеорит
на белый снег вдруг выскочили двое
что за руки держались в школьном хоре
и брызнул огонь
и кажется летит
сказала ты
наверно стрекоза
лишь только у тебя такой
глаза
летающие как два метеорита
нет, их потрогать пальцами нельзя.
Подставив руки под горячий дождь
я ощутил, наверное
я — вождь!
безумств своих дрянной факелоносец
с ума сошёл бегущий письмоносец
роняя оземь писем
тёплый ларь
последнюю веригу с тела сбросив,
но тишина, лишь снега
жаркий зев
И ветер повернул куда-то мимо
И голый парикмахер боязливо
вдруг выскочил на площадь
обомлев.

* * *

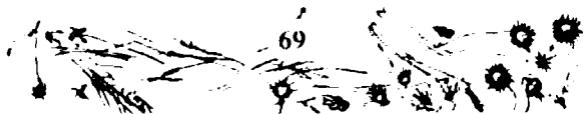
Отболело тело Ленина
Надя Крупская рыдает
Для кого постель постелена
так никто и не узнает
Ах. Картина неприглядная
Грусть-тоска на нитке белой
На кого икота стадная
накатила между делом
Накатило, навзъерошило...
Навзничь падать вам охота ль?
Вам Принцесса на горошине
лишь по-вологодски ботать
Зимний день. Глаза усталые
закрываем почему-то
На кого же мы оставлены
в эту трудную минуту
Мы с тобою. Я в будёновке,
Ты в платочке, словно Маша.
Слёзы катятся антоновки
по брусчатке вместо марша.
Я люблю тебя без устали.
Хоть в платочке, хоть в исподнёньком
за слезами, да за гусями
раздаются крики: Родненький!
Для тебя постель постелена
между радостью и бранью
И горит щека у Ленина
словно звёздочка в изгнании.

ДОРОГА

За царёвым подарком
Поехали два мальчугана.
Лют мороз. Лошадёнка.
Впрягли её, вывели рано,
но легка одежонка
и жалко себя им до слёз.
Спит Россия моя,
Но не спит оголтелый мороз.
Полдороги проехав,
слегка заблудились, поди.
Повернули туда, где шептались
косматые ели,
А рассвет чародейно и вкрадчиво
плыл впереди.
И каких-то три мили
осталось ребятам до цели.
Мать ещё не стара,
а сестрёнки — невесты почти —
Ждут, надеясь на то,
что лукавый тот путь без обмана,
Что спасёт одного перешитое
наспех пальто,

а другого спасёт
телогреечки битой нирвана.
Ничего что мороз,
Лишь бы волки не встряли им вслед,
Тут скачи, не скачи.
Хорошо бы ружьишко, пожалуй.
Воют беглые псы...
Что сегодня у них на обед?
Ты не выдай, лошадка,
Не рвись, как молодая, не балуй!
Косогор, буерак
и дорога змеится дугой
Лют мороз, серый дым
Вроде хаты белеют за лесом,
и вокруг тишина
Не поёт колокольчик тугой,
и пурга впереди.
Через час не видать ни бельмеса.
За царёвым подарком
поехали братья с утра,
Несмотря ни на что,
хоть свиреп был морозец трескучий.
Потеряв лошадёнку,
Побитые богом слегка,
Но домой возвратились,
Как важный и суетный случай.
Русь хранила обоих,
вселенская русская грусть,

Незабвенная песня,
что стужу, как память, хранила,
И судьба их спасала,
К тому наставляли на путь
Деревенская удаль
да их православная сила.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Юлия Паклянова.</i>	
Играя на душевных клавикордах	3
«И хохотала жутко птица...»	8
«Мы будем пить из одного стакана...»	9
«Почему умирают дожди?...»	10
«И вот пришёл он...»	12
«Я первый чародей...»	14
«Послушай Виденье...»	18
Апрельская ночь	19
«Чтобы ступою звёзды стремглав не толочь...»	19
Я видел счастливых	20
«Как малые дети...»	20
«От тоски...»	22
«Уходишь в ночь...»	23
«Я, может быть...»	24
«Улица грехов моих земных...»	25
«Гуляли мы...»	26
«Как странно одиночество вдвоём.. »	28
«Мне нравится смех твой...»	30
«Яснее ясного...»	32
«У нас с ней маленький роман...»	33
«Как обаять мне гордую тебя...»	34
Уставшие	36
«Посижу в кофейне с художником...»	37
Запрещённые игры	39
«Что будет после нас...»	42
«Звёздочки, звёздочки. »	44
«У кореянки крохотная грудь...»	45
«Погасла свеча...»	46

Дорога	48
Наступает день проституток	50
Старомодна моя сторона	52
Лошади хотят остаться	53
Не открывайте двери никому	54
Мечтала ты в Венеции чужой	55
Автобус	56
Лето	59
Я боялся коснуться твоих оваций	60
Голубизна фонтанов ежевичных	61
Стынет пунш одиноко в спальне	62
Некрасивая женщина в гостях у полковника	63
«Когда упал с небес метеорит...»	66
«Отболело тело Ленина...»	67
Дорога	68

Валерий Дмитриевич Архипов
МЕЖДУ РАДОСТЬЮ И БРАНЬЮ

Стихи

Авторская редакция
Технический редактор Ю. П. Малозёмов
Художник А. Р. Поляков
Лицензия ИД № 02513
от 31 июля 2000 г.
Тираж 100 экз.

Вологда
2014

Мне Богом было сказано, остынь.
И я остыл. Покрылся лес простудой.
Заиндевила тоненькая ель,
Ежом смиренным покосилась дверь
И на осину забрался Иуда.
Сосна очнулась, будто бы от сна.
Какой ей сон, какие это нервы?
Избита и оборвана весна.
Пустите, у неё ведь выстрел первый!
... по каверзам безжалостной зимы,
по слякоти предсмертной Петербурга,
по шалашу, где целовались мы
и по словам потерянного друга,
которого забыли, замели
метелями, горбатыми снегами.
Ну, ничего мы тоже на мели
остывшие, как пасынки Земли
с заплаканными
круглыми
глазами.